

зовала русскую армию, что та хотела и могла только окопы оставить и готовиться идти домой. Поэтому от этой деморализованной массы русских латышам нечего было ждать, а ликвидация фронта отдала бы все приграничные области, а значит, и Латвию, в зависимость от немецких войск» (5, с.6).

Взаимное же ослабление России и Германии, так же отмечаемое в юбилейных изданиях как «благоприятное обстоятельство», дополнительно мотивировало латышей к политическому самоопределению и открывало для них возможность и диктовало необходимость обособления от России. Как писал Э. Бланкс, «не было сомнений в том, что Россия стоит на краю бездны и что она втянет в эту бездну и Латвию, если мы не отделим судьбу своей страны от страны всех возможностей – от судьбы России» (3, с.20).

Закономерность и неизбежность такого обособления, т.е. создания латышами государства, настойчиво утверждалась и доказывалась культурной несовместимостью латышей и русских, равно как и отсутствием органической связи между территорией Латвии (Балтийским регионом) и остальной территорией России (см., напр.: 3, с.28).

По словам того же Э. Бланкса, «между культурами России и Латвии нет ничего общего» (3, с.21). Латвия, так же, как Финляндия, Польша, Литва и Эстония, по своему культурному состоянию и устремлениям есть западноевропейский народ, тогда как азиатская Россия силой тянула её в свои объятия» (10, с.118).

Ещё одно проявление определённого замалчивания русской революции видится в недетализированности, бессобытийности и безличности упоминаний этой революции. Исключения составляют названные в издании 1928 года «последние вожди революции Керенский и Ленин», ни один из которых не дал народам их священного права самоопределения» (10, с.119). Неконкретности описания революции соответствуют её обобщённо-оценочные характеристики, которые служат «очужению» России и возведению ментально-эмоциональной стены между нею и молодым Латвийским государством. Например, как писал Э. Бланкс, «русская революция – это восстание рабов. Народные массы, которые сочувствовали идеям коммунизма, поняли их соответственно своему тёмному уму. Они думали, что целей долга и человечности больше нет, что каждый может делать то, что ему на ум придёт. Из мятежа дезертиров поднялась эта революция... По масштабам пролитой крови и ужаса русская революция займёт первое место в истории мировых революций» (10, с.80).

Таким образом, в юбилейных изданиях Латвии 20-30-х годов XX века русская революция 1917 года, во-первых, обладает значимостью лишь в тени акта провозглашения Латвийского государства и, во-вторых, в известной мере является «отсутствующей структурой» в формируемой юбилейными текстами модели исторического времени латышей.

Подобный характер упоминания русской революции 1917 года в указанных публикациях вполне понятен для молодого государства, возникающего на руинах империи и стремящегося идеологически обосновать свою легитимность и самостоятельность. Однако, транслируемые во времени однажды созданная модель отношения и «образ» революции превращаются в миф, осознание однозначности которого делает всё более и более актуальным многомерное исследование данной революции.

1. Es viņu pazīstu: Latviešu biogrāfiskā vārdnīca. – Mich.: Grand Haven, 1975. – 577.lpp.
2. Kviesis, A. Latvijas tiesas / A. Kviesis // Valsts pieci gadi 1918.-1923. – Rīgā: Brīvās Zemes izd., 1923. – 56.-57.lpp.
3. Latvija desmit gados: Latvijas valsts nodibināšanas un viņas pirmo 10 gadu darbības vēsture. – Rīgā: Jubilejas komisijas izd., 1928. – 384.lpp.
4. Latvija 20 gados. – Rīgā: 1938. – 415.lpp.
5. Latvija 1918-1928: Atskats uz latvju tautas pagātni un valsts pirmiem 10 gadiem. – Rīgā: „Lekšlietu Ministrijas Vēstneša” izd., 1928. – 160.lpp.
6. Latvijas brīvības cīņas un sasniegumi. – Rīgā: Izglītības Ministrijas izd., 1928. – 32.lpp.
7. Latvijas neatkarības X gadu jubilejas. – Rīgā: Reklama, 1928. – 32.lpp.
8. Latvijas Republika desmit pastāvīšanas gados. – Rīgā: Golts un Jurjans, 1928. – 805.lpp.
9. Paegle, S. Latviešu Pagaidu Nacionāla Padome un Rīgas Demokrātiskais Bloks // °Valsts pieci gadi 1918.-1923. – Rīgā: Brīvās Zemes izd., 1923. – 4.-8.lpp.
10. Silzemnieks, E. Latvijas atdzimšana: Valsts 10 gadu atcerei (1918-1928) / E. Silzemnieks. – Rīgā: A. Raņča grāmatu tirgotavas agp., 1928. – 253.lpp.
11. Spekke, A. Latvijas vēsture / A. Spekke. – Rīgā: Jumava, 2003 (Stokholma, 1948). – 382.lpp.
12. Valsts pieci gadi 1918-1923. – Rīgā: Brīvības Zemes izd., 1923. – 70 lpp.

СОБИРАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ ФОЛЬКЛОРА В КАРЕЛИИ В 1930-Е ГОДЫ

С.Н. Филимончик (Петрозаводск, Россия)

Карелия является уникальным местом сохранения богатейших традиций устного народного творчества славянских и финно-угорских народов. В XIX – начале XX вв. на Севере России был накоплен ценный опыт его исследования путешественниками, учеными-подвижниками. Собрание и изучение фольклора Карелии в 1930-е годы впервые развернули специальные научно-исследовательские подразделения. В 1931 г. начал работу Карельский научно-исследовательский институт (КарНИИ), в составе которого была создана этнографо-лингвистическая секция. КарНИИ тесно сотрудничал с фольклорными секциями Института по изучению народов СССР, Института антропологии и этнографии АН СССР.

В 1932–1933 гг. А. М. Астахова, И. В. Карнаухова, С. С. Писарев, А. Н. Нечаев вели экспедиционную работу в Беломорском крае. В условиях, когда былинная традиция уже затухала, исследователи спешили записать былины, зафиксировать на фонографе былинные напевы, составить биографии исполнителей. В ходе этих экспедиций в Карельском Поморье фольклорист А. Н. Нечаев встретился с выдающимися исполнителями сказок Ф. Н. Свиныным (с. Сумпосад) и М. М. Коргуевым (с. Кереть). Несколько лет фольклористы записывали их репертуар. К сожалению, в 1930-е гг. не удалось издать сказки Ф. Н. Свинына, но двухтомное собрание сказок М. М. Коргуева было опубликовано в Петрозаводске в 1939 г. и получило высокую оценку специалистов.

Особое внимание было уделено изучению обрядовых, игрищных, бытовых песен поморов. Из старинных плясовых песен к тому времени сохранялась популярность песен, сопровождавших особый поморский танец «утушку». После того, как в 1931 г. дискуссия об этнографии завершилась резкой критикой этой науки как «буржуазно-эклектической», участники экспедиций не имели возможности включить в программу экспедиционной работы изучение обрядов, ритуалов, заговоров, заклинаний в том объеме как это делалось прежде. В условиях усиления репрессивной политики в отношении к церкви фактически под запретом оказалось собирание духовных стихов.

Уже в это время перед фольклористами была поставлена задача акцентировать внимание на современности. В 1933 г. экспедиция под руководством А. М. Астаховой вела сбор воспоминания о революции и Гражданской войне на Севере [4, л. 41]. В разгар коллективизации следовало собирать образцы народного творчества, отразившие перелом в жизни деревни. Благоприятным материалом в этом отношении оказались частушки. Правда, среди 1500 частушек, записанных в ходе экспедиции, было много текстов с критикой недостатков колхозного строительства, а то и «антисоветскими мотивами».

В 1935 г. Карелия праздновала 100-летие первого издания «Калевалы». Готовясь к юбилею, сотрудники этнографо-лингвистической секции КарНИИ наладили сотрудничество с исполнителями карельских рун: записали тексты, организовали концертные выступления сказителей в Петрозаводске, Ленинграде и Москве. В Доме национальной культуры и Публичной библиотеке открылись выставки, на которых были представлены присланные из Публичной библиотеки Ленинграда различные издания «Калевалы», в том числе первое издание 1835 г., подлинники писем собирателей рун Э. Леннрота, М. Кастрена, другие ценные документы. Ученые КарНИИ провели десятки лекций и докладов о «Калевале», опубликовали более полутора сотен статей и заметок в периодических изданиях. Особенно активно просветительскую работу вели этнографы Н. Н. Виноградов и С. А. Макарьев, фольклористы В. Я. Евсеев и А. Н. Нечаев.

В июле 1936 г. КарНИИ и Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР организовали фольклорную экспедицию под руководством П. Г. Ширяевой в Олонецкую Карелию. Впервые были записаны на фонограф и стали активно изучаться музыкальные произведения южных карелов и вепсов. В собирании и изучении фольклора южной Карелии важную роль сыграл В. Я. Евсеев [3, л. 25, 52]. Началась публикация произведений устного народного творчества южных карелов.

В условиях репрессий руководство Карелии обвинили в ориентации на Финляндию. Был арестован ряд ведущих сотрудников КарНИИ, некоторые ученые покинули Петрозаводск, опасаясь травли в связи с «чуждым социальным происхождением», «связью с врагами народа» [6, л. 23, 51, 60]. В 1937 г. КарНИИ был реорганизован в Карельский научно-исследовательский институт культуры (КНИИК) [5, л. 99]. На работу в КНИИК прибыли студенты и выпускники ленинградских вузов. А. Д. Соймонов, В. В. Чистов, К. В. Чистов, Н. И. Богданов, М. М. Михайлов активно включились в экспедиционную и исследовательскую деятельность. В 1938–1939 гг. КНИИК провел 11 фольклорных экспедиций – в основном в карельские районы, но продолжалась экспедиционная работа и в Заонежье, в Поморье. В это время были выявлены новые талантливые сказители – А. М. Пашкова, И. Т. Фофанов, Н. А. Ремизов, А. Л. Фадеева и др. [7, л. 6]. Экспедиционный материал 1938–1941 гг. составил основу фольклорного архива КНИИК.

Основное внимание фольклористы стали уделять сбору «советского» фольклора. Исследователи записывали плачи о Ленине и Кирове, о летчиках, погибших при катастрофе советского дирижабля, былины о Сталине, Ворошилове, Чапаеве, сказы о подвиге челюскинцев и папанинцев, о героизме бойцов Красной Армии у озера Хасан, о выборах в Верховный Совет Карелии и др. Художественные достоинства этих произведений оказались сомнительны. Они не были включены в культурно-бытовой контекст крестьянской жизни [11, с. 126]. Сами авторы их плохо помнили, читали «по бумажке». В 1940 г., выступая на I съезде писателей Карелии, фольклорист В. Г. Базанов сетовал: «Сказители порой как бы вливают в старую форму новое содержание, они перелицовывают сюжеты... В результате получаются произведения малооригинальные, как бы исправленные копии старинных былин» [8, л. 226].

Однако власти всячески поддерживали и пропагандировали «советский» фольклор, видя в нем проявление единения народа и власти. В 1939 г. группа карельских сказителей была награждена орденами «Знак почета». Сказочников и былинщиков приглашали на слеты и совещания, направляли в командировки в столицу, материалы о них широко публиковала печать. В 1938–1939 гг. в Петрозаводске прошли совещания сказителей Карелии. В июне 1939 г. Ф. А. Конашков, Е. С. Журавлева, Т. Е. Туруев, А. М. Пашкова участвовали в работе Всесоюзного слета певцов и сказителей. Делегаты слета прослушали лекции и доклады об итогах XVIII съезда ВКП(б), о международном положении, посетили музей В. И. Ленина и мавзоль. На встречу с ними приезжал участник спасения челюскинцев Герой Советского Союза

М. Т. Слепнев. Участники слета осмотрели метрополитен, получили возможность облететь Москву на современном самолете, совершить поездку по каналу Москва- Волга. Они побывали в Большом театре, в музеях, на выставках [1]. В свою очередь сказители выступили в Доме народного творчества имени Н. К. Крупской, в Доме писателей, в Сокольническом парке культуры и отдыха. В дни съезда коллективно они сложили «письмо великому Сталину» [2].

К каждому сказителю был прикреплен писатель. Так, летом 1939 г. поэт Леа Хело ездил к сказительнице М. А. Ремшу, чтобы собрать материал для её биографии и организовать её учебу, учительница Вокнаволоцкой школы О. Мякеля стала заниматься с ней грамотой [9, л. 24]. В 1939 г. сказители М. М. Коргуев, Ф. А. Конашков, Т. Е. Туруев, П. И. Рябинин-Андреев, Ф. И. Быкова, А. М. Пашкова, А. В. Ватчиева, Ф. Н. Свинын, М. А. Ремшу вступили в Союз советских писателей Карелии. Коргуев и Туруев были избраны в состав Правления республиканской писательской организации [9, л. 4]. При Союзе советских писателей Карелии была создана секция фольклора (руководитель В. Г. Базанов). В 1940 г. сказители участвовали в работе I съезда писателей Карело-Финской ССР, они составляли треть делегатов с решающим голосом [8, л. 10].

За счет Литфонда сказители получали денежные ссуды (чаще безвозмездные), оплату командировок, лечения, путевки в дом отдыха и санаторий. Однако повседневная жизнь этих крестьян оставалась прежней. Дочь М. Коргуева А. М. Коргуева писала: «Жили скромно, одевались бедно. Электричества не было. Керосин выдавали по норме. ... Перед войной отцу моему дали персональную пенсию. Многие в деревне ненавидели его, что за вранье деньги получает, а он все рассказывал и рассказывал свои замечательные волшебные сказки...» [10, с. 130, 131].

В конце 1930-х гг. под грифом КНИИК был опубликован ряд важных фольклорных материалов: сборник былин П.И. Рябинина-Андреева (1940), сборник «Русские плачи Карелии» (1940), сборник «Былины Пудожского края» (1941). В Петрозаводске были изданы сборники «Сказы и плачи о Ленине» (1938), «Сказания о героях Арктики» (1938) и др. Началась публикация карельского фольклора: в 1939 г. были изданы три сборника карельских народных песен и сказок. В оформлении книг по фольклору использовались традиции народного изобразительного искусства. Художники Г. А. Стронк, В. М. Агапов использовали в оформлении элементы народных вышивок, кружевоплетения, ткацких работ, резьбы по дереву.

В то же время далеко не все подготовленные к изданию работы доходили до читателя. Когда В. Я. Пропп представил к публикации в Петрозаводске свою докторскую диссертацию «Исторические корни волшебной сказки», местные чиновники отказались издавать книгу выдающегося ученого России и призвали усилить борьбу с «пережитками формализма и вульгарного социологизма» [8, л. 236]. Не всегда фольклорные тексты легко проходили цензуру. Символично, что в феврале 1938 г., в разгар сталинских репрессий, Карлит потребовал, чтобы в сборнике причитаний Ирины Федосовой были заменены заголовки «Похороны», «Плач на могилах», так как они «не созвучны нашему времени». Карлит вообще долго сомневался, нужно ли издавать эту книгу.

Дискуссия об издании фольклорных текстов развернулась в декабре 1940 г. на I съезде писателей Карело-Финской ССР. В докладе В. Г. Базанова предлагалось при издании фольклора ориентироваться на массового читателя, не увлекаться академизмом. Не соглашаясь с таким подходом, М. К. Азадовский напомнил, что изданию фольклорного текста предшествует большая научная работа, и важно познакомиться с ней заинтересованного читателя, ввести его в исследовательскую лабораторию. В целом присутствовавшие на съезде известные фольклористы М. К. Азадовский, Н. П. Андреев, А. М. Астахова очень высоко оценили изданные в Карелии книги по фольклору. М. К. Азадовский отметил: «Ни в одной части нашего Союза не ведется сейчас такой большой и плодотворной работы в области изучения фольклора, как именно здесь. Я говорю, товарищи, не комплимент как гость на вашем съезде, а говорю это как руководитель отдела фольклора Академии Наук» [8, л. 270].

Таким образом, в 1930-е гг. в Карелии продолжалась широкая экспедиционная и исследовательская деятельность по изучению фольклора. Такие исследования были важны для власти, т. к. давали возможности использовать архетипы массового сознания для решения политических задач, и для общества, т. к. содействовали профессиональному росту ученых, сбережению выдающихся памятников культуры и сохранению культурной преемственности.

1. Красная Карелия. – 1939. – 30 июня.
2. Красная Карелия. – 1939. – 4 июля.
3. Научный Архив Карельского Научного Центра РАН (НА КарНЦ РАН). – Ф. 1. Оп. 3. Д. 5.
4. НА КарНЦ РАН. – Ф. 1. Оп. 3. Д. 64.
5. НА КарНЦ РАН. – Ф. 1. Оп. 3. Д. 221.
6. НА КарНЦ РАН. – Ф. 1. Оп. 48. Д. 23.
7. НА КарНЦ РАН. – Ф. 1. Оп. 50. Д. 391.
8. Национальный Архив Республики Карелия (НАРК). – Ф. 2923. Оп. 1. Д. 1/1.
9. Российский Государственный Архив литературы и искусства. – Ф. 631. Оп. 6. Д. 270.
10. Маркова Е. Жила-была сказка // Север. – 2005. – №.11/12. – С. 130–131.
11. Сенькина Т. И. Забытые и неизвестные страницы истории фольклористики Карелии. Петрозаводск: Карельский Научный Центр РАН, 2012. – 218 с.